

Е.В. Мищенко, С.В. Корнакова, В.В. Мишин

ОБОСНОВАННОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ

Анализируются основания применения ст. 28 УПК РФ с позиции обоснованности и мотивированности принимаемого решения. Определены критерии дифференциации оснований применения ст. 25 и 28 УПК РФ. Сделан вывод, что для освобождения от уголовной ответственности по ст. 28 УПК РФ в тексте процессуального акта должна найти отражение вся совокупность предписаний ч. 1 ст. 75 УК РФ либо причины ее неполноты и обоснование достаточности имеющихся оснований для констатации утраты лицом общественной опасности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; согласительные процедуры; освобождение от уголовной ответственности; прекращение уголовного преследования; деятельное раскаяние.

Российским уголовным и уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено в ряде случаев освобождение совершившего преступление лица от уголовной ответственности, что означает исключение для виновного публичного порицания и назначения наказания за содеянное в условиях судебного разбирательства. Учеными в этой связи отмечается очевидность заинтересованности общества, во-первых, в том, чтобы защита правопорядка была успешной, и, во-вторых, в разумной экономии уголовной репрессии, целью которой должно быть не наказание лиц, совершивших преступление, само по себе, а применение к ним в случаях, когда это дозволено законом, иных исправительных и превентивных мер воздействия [1. С. 440; 2. С. 72]. В частности, институт освобождения от уголовной ответственности, регулируемый поощрительными нормами ст. 75 УК РФ и ч. 1 ст. 28 УПК РФ, имеет целью устранение или минимизацию вреда, причиненного преступлением, а также существенное облегчение для органов предварительного расследования его раскрытие.

Часть 1 ст. 28 УПК РФ, так же как и ст. 25 УПК РФ, имеет отсылочный характер. В данном случае – к ст. 75 УК РФ, согласно которой «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным».

Представляется необходимым остановиться на сопоставлении и определении критериев для разграничения таких оснований применения поощрительных норм, как примирение сторон и деятельное раскаяние. Основным критерием для дифференциации названных институтов, по мнению Л.В. Головки, является установление и конкретизация в каждом случае того типа вреда, который причинен преступлением. При персонифицированном типе причинения вреда, когда он нанесен частным интересам и, следовательно, в уголовном деле имеется потерпевший, физическое или юридическое лицо, регулирование возникших в

результате этого уголовно-процессуальных отношений имеет целью восстановление его прав, поэтому должна применяться ст. 25 УПК РФ. В ситуациях же, когда объектом преступления являются интересы общества или государства, по мнению указанного автора, применению подлежит ст. 28 УПК РФ [3. С. 440].

Между тем подобный подход к разграничению названных институтов опровергается правоприменительной практикой. В частности, выборочный анализ вынесения решений о прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием показал, что наличие потерпевшего в прекращаемых по данному основанию уголовных делах нельзя назвать исключением или отнести к редким явлениям. Так, например, только за 2 дня (26 и 27 февраля 2019 г.) судами страны пять раз вынесены постановления о прекращении уголовных дел по рассматриваемому основанию, возбужденных по ст. 158 УК РФ [4–8], где потерпевшего не быть не может, что свидетельствует о сомнительности выделенного уважаемым автором критерия. Вместе с тем следует отметить обратную зависимость, которая проявляется в неприменимости ст. 25 УПК РФ к уголовным делам, в которых отсутствует потерпевший.

Общим для рассматриваемых институтов является определенная позитивная активность обвиняемого (подозреваемого). Но если при примирении сторон такая активность направлена на изменение позиции потерпевшего – достижение его снисхождения путем заглаживания вреда и акта примирения, при деятельном раскаянии предполагается активность иного рода, целью которой является демонстрация утраты лицом общественной опасности. При этом основными критериями, позволяющими судить о деятельном раскаянии и, как следствие, об утрате лицом общественной опасности, являются явка с повинной, возмещение причиненного ущерба и способствование раскрытию преступления. Именно эти условия, наряду с категорией преступления и совершения его впервые, являются материально-правовыми основаниями для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ. Убеждение же в выполнении этих условий уполномоченного на принятие решения должностного лица дает основание для применения ст. 28 УПК РФ. Позиция потерпевшего, его волеизъявление, в отличие от применения ст. 25 УПК РФ,

определяющего значения не имеет и может не приниматься во внимание.

Некоторыми авторами возможность прекращения уголовного преследования по ст. 28 УПК РФ жестко увязывается с наличием реального раскаяния обвиняемого [9. С. 31–32], что вызывает серьезные возражения. Представляется очевидным, что употребленная законодателем категория «деятельное раскаяние» не предполагает буквальное толкование понятия «раскаяние», поскольку смысловое значение рассматриваемой категории определяется ее первым, а не вторым понятием. Это обстоятельство отмечает Л.В. Головкин, справедливо указывающий на то, что правовое значение имеют отнюдь не субъективные переживания лица, а в первую очередь его действия, выраженные объективно [3. С. 73].

По той же причине лишено оснований утверждение Л.В. Лобановой, предлагавшей закрепить в уголовном законе обязанность органов предварительного расследования по установлению мотивов, которыми руководствовался обвиняемый, устраняя причиненный совершенным им преступлением вред [10. С. 32]. Думается, что закон не в состоянии предусмотреть все многообразие возможных мотивов поведения лица при деятельном раскаянии. Таковыми могут быть как действительные переживания по поводу последствий совершенного лицом деяния и стремление в связи с этим минимизировать своими действиями причиненный преступлением вред, так и чисто утилитарные соображения, имеющие в своей основе стремление снизить или вовсе избежать уголовного наказания. Следует согласиться с аргументацией И.В. Смольковой, обосновывающей реальную невозможность установления и объективной проверки мотивации раскаяния и его искренности [11. С. 315; 12. С. 36].

В справочной литературе под раскаянием понимается отрицательно окрашенное, мучительное чувство, которое предполагает не только сожаление по поводу совершенного человеком поступка, но и чувство вины за его последствия, а также стремление не допускать совершения подобного в дальнейшем [13. С. 384].

Как представляется, было бы заблуждением считать, что каждый, сожалеющий по поводу совершенного, испытывает одновременно и чувство вины за свой поступок и решимость больше не допускать подобного, поскольку сожаление нередко может быть связано не с тем, что человек совершил, а лишь с тем, что «попался». Безусловно, и в том, и в другом случае имеет место «отрицательно окрашенное чувство», но предметом оценки являются различные аспекты определенного обстоятельства. Более того, не следует забывать, что зачастую раскаяние представляет собой отнюдь не сожаление о содеянном, а страх понести за это наказание. Отсюда и естественность возникновения стремления предпринять меры для его избегания или снижения.

Кроме этого, учеными отмечаются имеющиеся на практике случаи, когда даже при наличии явки с повинной и признании своей вины в наступивших общественно опасных последствиях лицо не раскаивается в содеянном, а объясняет их провоцирующим, неправильным поведением потерпевшего [14. С. 117], в

чем проявляется свойственная любому человеку мотивация самооправдания.

Раскаяние может признаваться деятельным и иметь правовое значение лишь в том случае, когда оно направлено вовне, находит выражение в объективных позитивных действиях лица. Обязательными формами такого выражения законом в ч. 1 ст. 75 УК РФ определены явка с повинной, способствование раскрытию преступления и возмещение вреда. При этом необходимым признаком позитивной постпреступной активности лица является ее добровольность, действительность которой должна быть предметом отдельной проверки и оценки субъектом принятия решения. В частности, подлежит доказыванию, что лицо по собственной воле оказывало помощь следствию в раскрытии преступления при наличии реальной возможности поступить иначе.

Кроме этого, в отличие от оснований применения ст. 25 УПК РФ, для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием в качестве обязательного условия применения ст. 28 УПК РФ является признание вины лицом, совершившим преступление. Хотя данное условие прямо не упоминается в ч. 1 ст. 75 УК РФ, ссылку на которую содержит ч. 1 ст. 28 УПК РФ, представляется очевидным, что явка с повинной немыслима без признания вины. Такой позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, косвенным образом указывающий на обязательность отнесения признания лицом своей вины к необходимым условиям прекращения уголовного преследования по ст. 28 УПК РФ. В частности, как разъясняется в его постановлении от 27.06.2013 г. № 19, «признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, не является деятельным раскаянием» (п. 4) [15. С. 5].

Вместе с тем, как следует из разъяснений указанного выше акта суда высшей инстанции, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ действий или тех из них, которые лицо имело объективную возможность совершить с учетом конкретных обстоятельств. Другими словами, допускается применение ст. 28 УПК РФ при наличии неполной совокупности обстоятельств, предусмотренных уголовным законом. Так, при задержании лица на месте преступления явка с повинной объективно становится невозможной. В таком случае в совокупности необходимых для применения ст. 28 УПК РФ оснований явки с повинной будет отсутствовать, но может быть восполнена признанием задержанным лицом своей вины при условии выполнении им остальных предписаний закона – способствования раскрытию преступления и возмещения вреда. В противном случае применение указанной нормы будет являться необоснованным.

В свою очередь, способствование раскрытию преступления означает направленность активности лица, совершившего преступление, на оказание помощи органам предварительного расследования в установлении значимых для уголовного дела обстоятельств и скорейшем раскрытии преступления. При этом для обоснованности и мотивированности принимаемого реше-

ния недостаточно указания в постановлении следователя (дознателя) или в определении суда о прекращении уголовного преследования только на то, что выполнение данного условия имело место, без конкретизации действий, совершенных лицом в целях, способствующих раскрытию преступления. В процессуальном акте должно быть отражено, в каких именно действиях лица проявилось такое содействие, а также подтверждение добровольности этих действий.

Так, Куйбышевский районный суд г.Иркутска, принимая решение о прекращении уголовного преследования в отношении Мартынюка А.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, вследствие деятельного раскаяния, указал, что Мартынюк А.В. способствовал раскрытию и расследованию преступления, о чем свидетельствуют материалы уголовного дела, из которых следует, что он полностью признавал свою вину, в содеянном раскаивался, давал подробные показания об обстоятельствах совершенного преступления, которые ранее правоохранительным органам известны не были и не могли стать известными из других источников (в частности, обстоятельства совершения преступления – время, место, способ приобретения наркотического средства и его хранения до момента его обнаружения) [16].

Таким образом, для установления того, что виновным оказывалась помощь следствию в раскрытии преступления, в тексте принимаемого решения должно быть убедительно продемонстрировано, что им использованы для этого все возможные способы. В этой связи учеными правомерно подчеркивается значение соответствующей доказательственной деятельности защитника, поскольку на практике именно качеством подготовленного стороной защиты ходатайства зачастую определяется его удовлетворение [17. С. 68] и, как следствие, принятие уполномоченным лицом решения о прекращении уголовного преследования по ст. 28 УПК РФ.

Некоторыми авторами отмечается также, что нередко в постановлениях о прекращении дел по рассматриваемому основанию отражено лишь указание на то, что лицо загладило причиненный вред [3. С. 348]. Между тем возмещение или заглаживание вреда может являться и обстоятельством, смягчающим ответственность, и одним из условий освобождения от ответственности как в связи с примирением, так и в связи с деятельным раскаянием. При этом для каждого из двух последних случаев выполнение только данного условия не может быть признано достаточным для освобождения от уголовной ответственности, поскольку и для ст. 25 УПК РФ, и для ст. 28 УПК РФ законом определена собственная совокупность условий, в которых возмещение или заглаживание вреда является общим элементом.

Следует отметить, что при применении ст. 28 УПК РФ возмещение или заглаживание вреда, причиненного преступлением в определенных ситуациях, так же как и явка с повинной, может являться обстоятельством, невозможным для выполнения в силу объективных причин. К таким ситуациям относятся все случаи совершения преступления или покушения на его совершение, не повлекшие за собой вредных последствий.

Так, постановлением Октябрьского районного суда г. Мурманска от 21.01.2019 г. прекращено уголовное дело в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, на основании ст. 28 УПК РФ в связи с деятельным раскаянием.

Как видно из материалов дела, револьвер и патроны были добровольно выданы В. в ходе проведения сотрудниками УФСБ оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений» по месту его жительства; это обстоятельство объективно исключало его возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении. Как явствует из дела, В. сразу безоговорочно и полностью признал свою вину, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, дал изобличающие показания, как в отношении себя, так и в отношении лица, сбывшего ему револьвер и боеприпасы, выступил в суде свидетелем обвинения по уголовному делу в отношении этого лица. Из материалов дела следует, что каких-либо вредных последствий действия В. не повлекли.

Перечисленные обстоятельства в совокупности с положительными данными о личности В., не привлекавшегося ранее к уголовной ответственности, и его поведении после преступления позволили суду сделать вывод о том, что он перестал быть общественно опасным лицом [18].

Безусловно, в каждом конкретном случае перечень обстоятельств, указывающих на возможность освобождения от уголовной ответственности, индивидуален, и, как следствие, индивидуальным должно быть принимаемое об этом решение. Тем не менее, по справедливому мнению ученых, правилом должно быть наличие всей совокупности предписаний ч. 1 ст. 75 УК РФ [1. С. 442].

Действительно, каждый из элементов, составляющих совокупность законодательных предписаний, взятый по отдельности, не может служить основанием для прекращения уголовного преследования и освобождения лица от уголовной ответственности, но может являться смягчающим обстоятельством. Поэтому в случаях, являющихся исключением из правила о наличии полной совокупности оснований для освобождения от уголовной ответственности, в тексте соответствующего процессуального акта для его мотивированности и обоснованности должны найти отражение, во-первых, причины неполноты совокупности предписаний ч. 1 ст. 75 УК РФ, во-вторых, обоснование достаточности имеющихся оснований для принятия решения и, в-третьих, констатация утраты лицом общественной опасности. К таким исключениям могут относиться объективная невозможность выполнения какого-либо условия (как в случае задержания на месте преступления) либо отсутствие необходимости его выполнения (если нет реального ущерба, причиненного лицом), но в любом случае должно иметь место позитивное посткриминальное поведение лица, позволяющее судить об утрате им общественной опасности. Как представляется, последнее обстоятельство является определяющим условием в обосновании и мотивировке принимаемого решения. Поэтому основным в

содержании ст. 75 УК РФ следует считать реальность деятельного раскаяния, которая должна с очевидностью свидетельствовать об отсутствии у лица такого признака, как опасность для общества.

Кроме этого, заслуживает обсуждения вопрос о правомерности применения ст. 28 УПК РФ не только к обвиняемому, но и к подозреваемому в совершении преступления. Статьей 75 УК РФ определен субъект, в отношении которого возможно применение данной нормы: «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести». Между тем должно быть очевидным, что для обоснованного утверждения о том, что лицо совершило предусмотренное конкретной нормой уголовного закона преступление, необходимо не гипотетическое знание о его виновности, как это имеет место при подозрении, а доказанность события преступления и виновности лица в его совершении. Именно доказанность совершения лицом общественно опасного деяния, по верному мнению Н.Ю. Букша, составляет предпосылку в данном случае не уголовной ответственности, а освобождения от нее [19. С. 95], что возможно, по мнению Е.Г. Васильевой, только после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, основанного на констатации достоверно установленного факта совершения преступления конкретным лицом [20. С. 217].

Конституционным Судом РФ акцентируется внимание на том, что «освобождение лица от уголовной ответственности и наказания должно расцениваться как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитации лица (признания его невиновным)» [21]. В связи с этим нами разделяется позиция ученых, утверждающих, что постановка вопроса о прекращении уголовного преследования и освобождения в связи с этим от уголовной ответственности возможна, если, и только если, имеет место доказанность и самого преступного события, и виновности лица в его совершении, а все связанные с ними обстоятельства установлены достоверно в том же объеме, какой характерен для окончания предварительного расследования [22. С. 37].

Кроме этого необходимо указать на то обстоятельство, что на практике отнюдь не редкостью являются ситуации, когда подозреваемый не переходит в статус обвиняемого из-за некачественной работы органов предварительного расследования, для которых прекратить уголовное дело по нереабилитирующим основаниям из-за отсутствия его судебных перспектив может являться более предпочтительным. На этот аспект еще в период действия УПК РСФСР указывали А.С. Барабаш и Л.М. Володина, отмечавшие наличие прямой зависимости между количеством нарушений, обусловленных отсутствием полноты установления обстоятельств уголовного дела, и тем, осуществлялось ли привлечение лица в качестве обвиняемого [23. С. 78–81]. Не думаем, что расследование преступлений стало более качественным исключительно в связи с принятием нового УПК. Поэтому вывод о возможности прекращения уголовного преследования, на

наш взгляд, нельзя считать надлежащим образом мотивированным, если обвинение в совершении конкретного преступления лицу не предъявлялось

В связи с этим считаем, что для выполнения законодательного предписания ч. 4 ст. 7 УПК РФ об обоснованности и мотивированности каждого принимаемого при производстве по уголовному делу решения постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям может быть вынесено только после предъявления лицу обвинения. Лишь в этом случае, на наш взгляд, будут отсутствовать сомнения в законности принятого решения.

Кроме этого, представляется необходимым уделить внимание вопросу, касающемуся встречающимся на практике ситуациям, когда в материалах уголовного дела одновременно усматривается наличие оснований для прекращения по нему производства и по ст. 25, и по ст. 28 УПК РФ, т.е. в ситуациях конкуренции положений ст. 75 и ст. 76 УК РФ. Подход ученых к решению данного вопроса разнится. По мнению Е.Г. Васильевой, в таком случае применению подлежит та норма, основания для применения которой во временном отношении возникли раньше [20. С. 217]. Думается, что подобный критерий вряд ли применим, поскольку явка с повинной всегда предшествует появлению любого иного основания при деятельном раскаянии, как и способствование раскрытию преступления, а такое основание, как заглаживание или возмещение вреда, является общим для применения обеих рассматриваемых норм, лишь после установления действительности которых может иметь место примирение.

С точки зрения других ученых, приоритетом в применении должна обладать ст. 76 УК РФ, что следует, по мнению Ю.В. Матвеевой, из предписаний ст. 52 Конституции РФ, закрепляющей положение об охране законом прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью и об обеспечении им компенсации причиненного ущерба. Указанный автор, кроме этого, считает, что правоприменителю должно быть вменено в обязанность «принятие мер к примирению и возмещению причиненного ущерба или вреда» [24. С. 8]. Между тем представляется, что данные обстоятельства зависят исключительно от свободного волеизъявления сторон, и потому принятие таких мер не может являться обязанностью правоприменителя. В противном случае могут возникнуть сомнения в добровольности как примирения, так и возмещения вреда.

На наш взгляд, учитывая то, что применение каждого из рассматриваемых оснований влечет одно и то же правовое последствие, уполномоченное должностное лицо вправе принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности, указав в тексте соответствующего процессуального акта оба основания. Надо отметить, что подобный подход имеет применение на практике [25].

Таким образом, для принятия обоснованного и мотивированного решения о прекращении уголовного преследования по ч. 1 ст. 28 УПК РФ подлежат доказыванию обстоятельства, перечисленные в качестве

условий в ст. 75 УК РФ. К таким обстоятельствам относятся:

- 1) совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые;
- 2) явка с повинной;
- 3) способствование раскрытию и расследованию преступления;
- 4) возмещение или заглаживания причиненного преступлением вреда.

Важно подчеркнуть, что установление первого из перечисленных обстоятельств является безусловным и должно подлежать достоверному обоснованию материалами уголовного дела.

Для обоснованного и мотивированного принятия решения о прекращении уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности в тексте соответствующего процессуального акта должна найти отражение вся совокупность предписаний уголовного закона либо указаны причины ее неполноты. В частности, в случае отсутствия какого-либо из обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, в качестве причины должна быть указана объективная невозможность его выполнения, а также обоснована достаточность имеющихся оснований для вывода об утрате лицом общественной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.Н., Зелезинская О.С. Основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. Т. 4, № 4. С. 438–444.
2. Агильдин В.В. Цель наказания по УК РФ // Аспирант и соискатель. 2011. № 2 (62). С. 70–76.
3. Головкин Л.В. Альтернатива уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юридический центр прес, 2002. 544 с.
4. Постановление Усть-Абаканского районного суда Республики Хакасия № 1-37/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-37/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/59gkFRetNVJJ/](http://sudact.ru/regular/doc/59gkFRetNVJJ/).
5. Постановление Котласского городского суда Архангельской области № 1-105/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-105/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/mlvNv2QBu1Yx/](http://sudact.ru/regular/doc/mlvNv2QBu1Yx/).
6. Постановление Дзержинского районного суда г. Перми № 1-23/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-23/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/tR3RnhjoHTWT/](http://sudact.ru/regular/doc/tR3RnhjoHTWT/).
7. Постановление Усть-Куломского районного суда Республики Коми № 1-30/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-30/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Ka9v7XdENT51/](http://sudact.ru/regular/doc/Ka9v7XdENT51/).
8. Постановление Черняховского городского суда Калининградской области № 1-38/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-38/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/ErtkB7uSRVJT/](http://sudact.ru/regular/doc/ErtkB7uSRVJT/).
9. Лобанова Л.В. К вопросу соответствия наименования и содержания ст. 75 УК РФ // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 29–35.
10. Головкин Л.В. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием // Законодательство. 1999. № 1. С. 72–75.
11. Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение. М. : Юрлитинформ, 2017. 432 с.
12. Смолькова И.В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 3 (32). С. 33–40.
13. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2007. 576 с.
14. Смолькова И.В. Значение признания обвиняемым своей вины при прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) // Библиотека криминалиста. 2017. № 3 (38). С. 112–119.
15. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
16. Постановление Куйбышевского районного суд г. Иркутска № 1-68/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-68/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Bnj7oB7eLkbK/](http://sudact.ru/regular/doc/Bnj7oB7eLkbK/).
17. Буфетова М.Ш. К вопросу о доказательственной деятельности адвоката-защитника // Вестник ВСИ МВД России. 2018. № 2 (85). С. 64–70.
18. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22-290/2019 от 12 марта 2019 г. по делу № 22-290/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/TzLw2W38AQbO/](http://sudact.ru/regular/doc/TzLw2W38AQbO/).
19. Букша Н.Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 206 с.
20. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2006. 305 с.
21. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 519-О-О (документ опубликован не был) // СПС КонсультантПлюс.
22. Лукашевич В.З., Шимановский В.В. О праве прокурора и следователя прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1991. № 10. С. 36–38.
23. Барабаш А.С., Володина Л.М. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст. 62-9 УПК РСФСР) / под ред. И.Е. Карасев. Томск : Изд-во ТГУ, 1986. 153 с.
24. Матвеева Ю.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 27 с.
25. Постановление Томпонского районного суда Республики Саха (Якутия) № 1-22/2015 от 19 марта 2015 г. по делу № 1-22/2015. URL: [//sudact.ru/regular/doc/jzMuv4B3W4v/](http://sudact.ru/regular/doc/jzMuv4B3W4v/)

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 октября 2019 г.

Reasonableness and Motivation of Decision-Making on Termination of Criminal Prosecution in Connection With Active Repentance

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 239–245.

DOI: 10.17223/15617793/452/30

Elena V. Mishchenko, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: Spiro94@yandex.ru

Svetlana V. Kornakova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Viktor V. Mishin, Zaozersky Garrison Military Court (Murmansk, Russian Federation). E-mail: Spiro94@yandex.ru

Keywords: criminal proceedings; conciliation procedures; exemption from criminal liability; termination of criminal prosecution; active repentance.

The article considers the grounds for the application of Article 28 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the position of validity and motivation of procedural decisions made in this regard. Criteria for differentiation of the bases of the application of Article 25 and Article 28 of this Code are determined, the main of which, according to the authors, is the direction of activity of the person who has committed a crime. The category “active repentance” is analyzed. It is noted that repentance may be considered active and have a legal value only in case when it is directed outward and expressed in positive actions of a person. According to Part 1 of Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation, such positive actions are voluntary surrender, assistance in solving crimes, and damages. An essential feature of these actions is its voluntariness, the validity of which should be verified and evaluated by the subject of decision-making. In cases of an objective impossibility of a complete set of grounds for exemption from criminal liability under Article 28 of the Criminal Procedure Code, the text of the relevant procedural act for its motivation and validity should reflect, firstly, the reasons for the incompleteness of the set of requirements of Part 1 of Article 75 of the Criminal Code, secondly, the justification of the sufficiency of the existing grounds for making a decision, and, thirdly, the statement that a person has lost public danger. If the provisions of Article 75 and Article 76 of the Criminal Code compete, given that the application of each of them entails the same legal effect, the authorized officer may decide to exempt a person from criminal liability, specifying both grounds in the text of the relevant procedural act. The article argues that the termination of criminal prosecution is possible only after the indictment. The very formulation of the question of the termination of criminal prosecution and exemption from criminal liability in this regard is possible if, and only if, there is evidence of the criminal event itself, and the guilt of the person in its commission, and all the circumstances associated with them are established reliably to the same extent as is typical for the end of the preliminary investigation. It is concluded that, for exemption from criminal liability under Article 28 of the Criminal Procedure Code, the text of the relevant procedural act (to motivate and substantiate it) should reflect the totality of the requirements of Part 1 of Article 75 of the Criminal Code or reasons for their incompleteness and a rationale of sufficiency of the available data to conclude about a person’s loss of public danger.

REFERENCES

1. Boyko, V.N. & Zelezinskaya, O.S. (2013) Grounds for Exemption From Criminal Liability Due to Active Repentance. *Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientists Notes PNU*. 4 (4). pp. 438–444. (In Russian).
2. Agil'din, V.V. (2011) Tsel' nakazaniya po UK RF [The Purpose of Punishment Under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aspirant i soiskatel'*. 2 (62). pp. 70–76.
3. Golovko, L.V. (2002) *Alternativa ugovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternative to Criminal Prosecution in Modern Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr press.
4. Sudact.ru. (2019) *Decision of the Ust-Abakan District Court of the Republic of Khakassia No. 1-37/2019 of February 26, 2019, in Case No. 1-37/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/59gkFRetNVJJ/>. (In Russian).
5. Sudact.ru. (2019) *Decision of the Kotlas City Court of Arkhangelsk Oblast No. 1-105/2019 of February 26, 2019, in Case No. 1-105/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/mlvNv2QB1Yx/>. (In Russian).
6. Sudact.ru. (2019). *Decision of the Dzerzhinsky District Court of Perm No. 1-23/2019 of February 27, 2019, in Case No. 1-23/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/tR3RnhjoHTWT/>. (In Russian).
7. Sudact.ru. (2019) *Decision of the Ust-Kulomsky District Court of the Komi Republic No. 1-30/2019 of February 27, 2019, in Case No. 1-30/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/Ka9v7XdENT51/>. (In Russian).
8. Sudact.ru. (2019) *Decision of the Chernyakhovsk City Court of Kaliningrad Oblast No. 1-38/2019 of February 27, 2019, in Case No. 1-38/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/ErtkB7uSRVJT/>. (In Russian).
9. Lobanova, L.V. (1997) K voprosu sootvetstviya naimenovaniya i soderzhaniya st. 75 UK RF [On the Issue of Conformity of the Name and Content of Art. 75 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In: *Voprosy yuridicheskoy tekhniki v ugovnom i ugovno-protsessual'nom zakonodatel'stve* [Issues of Legal Technology in Criminal and Criminal Procedure Laws]. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 29–35.
10. Golovko, L.V. (1999) Prekrashchenie ugovnogo dela v svyazi s deyatel'nym raskayaniem [The Termination of the Criminal Case in Connection With Active Repentance]. *Zakonodatel'stvo*. 1. pp. 72–75.
11. Smol'kova, I.V. (2017) *Priznanie obvinyayemym svoey viny: dokazatel'stvennoe i pravovoe znachenie* [Confession of Guilt by the Accused: Evidentiary and Legal Value]. Moscow: YurLitinform.
12. Smol'kova, I.V. (2018) Trebuetsya li priznanie obvinyayemym svoey viny pri osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya (glava 40 UPK RF) [Is the Accused Required to Confess Guilt Under a Special Procedure for Making a Court Decision (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 3 (32). pp. 33–40.
13. Gubskiy, E.F. (2007) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: INFRA-M.
14. Smol'kova, I.V. (2017) Importance of the Defendant's Recognition of His/Her Guilt in Case of Termination of Criminal Prosecution in Connection With Active Repentance (Article 28 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). *Biblioteka kriminalista*. 3 (38). pp. 112–119. (In Russian).
15. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2013) O primeneniі sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) [On the Application by the Courts of Laws Governing the Grounds and Procedure for Exemption From Criminal Liability: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 27, 2013 (As Amended on November 29, 2016)]. 8.
16. Sudact.ru. (2019) *Decision of the Kuibyshevsky District Court of Irkutsk No. 1-68/2019 of February 26, 2019, in Case No. 1-68/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/Bnj7oB7eLkbK/>. (In Russian).
17. Bufetova, M.Sh. (2018) To the Question of Proof of the Defender's Activities in the Russian Criminal Proceedings. *Vestnik VSI MVD Rossii – Vestnik of Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2 (85). pp. 64–70. (In Russian).
18. Sudact.ru. (2019) *Appeal Decision of the Murmansk Regional Court No. 22-290/2019 of March 12, 2019, in Case No. 22-290/2019*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/TzLw2W38AQbO/>. (In Russian).
19. Buksha, N.Yu. (2005) *Naznachenie instituta prekrashcheniya ugovnogo dela i ugovnogo presledovaniya v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve* [The Purpose of the Institution of the Termination of Criminal Proceedings and Criminal Prosecution in the Russian Criminal Proceedings]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
20. Vasil'eva, E.G. (2006) *Pravovye i teoreticheskie problemy prekrashcheniya ugovnogo presledovaniya i proizvodstva po ugovnomu delu* [Legal and Theoretical Problems of Termination of Criminal Prosecution and Criminal Proceedings]. Moscow: YurLitinform.
21. Konsul'tantPlyus. (2007) *On the Refusal to Accept for Consideration the Claim of the Leninsky District Court of the City of Makhachkala to Verify the Constitutionality of Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 519-O-O of 04 June 2007*. The document was not published. Moscow: SPS Konsul'tantPlyus.

22. Lukashovich, V.Z. & Shimanovskiy, V.V. (1991) O prave prokurora i sledovatelya prekrashchat' ugovnyye dela po nereabilitiruyushchim osnovaniyam [On the Right of the Prosecutor and the Investigator to Terminate Criminal Cases on Non-Rehabilitating Grounds]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 10. pp. 36–38.
23. Barabash, A.S. & Volodina, L.M. (1986) *Prekrashchenie ugovnykh del po nereabilitiruyushchim osnovaniyam v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya (st. 62-9 UPK RSFSR)* [The Termination of Criminal Cases on Non-Rehabilitating Grounds at the Preliminary Investigation Stage (Article 62-9 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR)]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Matveeva, Yu.V. (2001) *Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti v svyazi s deyatel'nyim raskayaniem* [Exemption From Criminal Liability in Connection With Active Repentance]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
25. Sudact.ru. (2015) *Decision of the Tomponsky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 1-22/2015 of March 19, 2015, in Case No. 1-22/2015*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/jzMuv4B3W4v/>. (In Russian).

Received: 26 October 2019